

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО *зм*

Кажется простым и естественным междометие *зм* (*зм*), ни разу не привлечшее внимания наших языковедов, — и напрасно.

В английском языке, как отмечает «Оксфордский словарь», междометие *hem* (произносится *hm*) «воспроизводит звук прочистки горла», «напоминает легкое покашливание с целью привлечь внимание, предупредить, выразить сомнение», впервые зарегистрировано под 1526 г.; в форме *hum* (Шекспир, «Генрих IV»; Диккенс, «Крошка Доррит») «выражает легкое недовольство, несогласие»; в форме *h'm* (Теккерей, «Роза и кольцо», 1854) с тем же значением, как и *hem*¹. Этимологические словари английского языка, констатируя те же значения, о происхождении лишь скупо замечают: «звукоподражательно»².

Этимологический словарь немецкого языка отмечает: «*hm* — междометие раздумья и сомнения, так — с Виланда, 1774 г., до того *hem*, *hum* — у Штилера, 1691 г.»³

«Академический словарь французского языка»: «*hem* (*h'* придыхательно) — междометие, которым пользуются для зова, выражает также сомнение, колебание, недоверие», «*hom* — междометие, выражающее сомнение, недоверие»⁴. К этому мало добавляют этимологические словари: «*hem* — междометие, привлекающий возглас; *hom* — междом., означает сомнение; *hum* — междом., означает сомнение, неуверенность»⁵; «*hem* (с 17 в.) — ономатопейя; *hom* (с 18 в.) — ономатопейя, вариант к *hem*»⁶ — и ни слова

¹ «The Oxford English dictionary» V, 1933, стр. 442—443. — В подборе английских примеров участвовала И. М. Крейн, которой автор выражает признательность.

² W. Skeat. An etymological dictionary of the English language. Oxford, 1956, стр. 267; E. Partridge. Origins. London, 1959, стр. 285.

³ F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (17-е изд.). Berlin, 1957, стр. 311.

⁴ «Dictionnaire de l'Académie Française» (8-е изд) II. Paris, 1935, стр. 11 и 18.

⁵ L. Lebrun, J. Toiseul. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1937, стр. 439, 445, 450.

⁶ A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1958, стр. 387 и 391.

больше; *het* — призыв, *hot* — сомнение, недоверие, *hut* — сомнение, недомолвка, нетерпение»⁷.

В славянских языках также различны лишь оттенки тех же значений. В чешском: «*hm*, *hmhm* — междом., выражает сдержанное поддакивание, сомнение, несогласие, пренебрежение, перешимость, удивление и т. п.»⁸; «*hm* (пишется также *hmh*), *hmhm* — междом., выражающее преимущественно удивление, колебание, раздумье, сдержанную поддержку, сомнение, несогласие, пренебрежение, иронию и вообще реакцию человека на внешние импульсы»⁹, — интересно, что в приводимых отдельных примерах из речи персонажей художественной литературы это междометие наиболее часто вводится глаголом *zabuřel* 'проворчал' («*Pan zabuřel: — Hm, z toho by mohlo něco byti*» — J. Stolba; «*Hm, hm — zabuřel rektor*» — A. Marek). В польском: «*hm!* — междом., означающее раздумье, недоверие, сомнение, предположение, возможность», «*hum! hum! hem!* — удивление, сомнение, раздумье»¹⁰.

В русском языке *гм* очень позднее. Замечательный пример у Пушкина в четырехстопном ямбе («Евгений Онегин»), с проявлением гласного и характерным удвоением:

Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?

Последующие случаи немалочисленны.

Не исключено, что специальные разыскания обнаружат это междометие и в произведениях XVIII в., но словаря русского языка XVIII в. нет.

Во всяком случае вне сомнений, что это междометие совсем чуждо русскому просторечию и принадлежит исключительно языку литературному, хотя лишь в разговорной форме его. В этом бесспорно убеждают и все примеры, оставленные веком минувшим, и особенно наглядно — живая русская речь последнего столетия: каждый, знающий ее не только по книгам и даже не по записям диалектографов, безошибочно определит социально-культурную сферу бытованья этого междометия и пути его проникания в более широкие слои.

Каково же происхождение русского *гм*?

Первое объяснение, каким, к сожалению, обычно и довольствуются, чисто биологическое: естественный звук покашливанья.

Это — иллюзия, искусственно выводящая слово обратным путем из значения, как всякая наивная этимология. Почему же сомнению выражаться именно покашливанием? Или обратно:

⁷ E. Littré. Dictionnaire étymologique de la langue française, IV. Paris, 1958, стр. 572, 629, 649.

⁸ «Slovník spisovného jazyka českého» I. Praha, 1937, стр. 604.

⁹ «Příruční slovník jazyka českého» I. Praha, 1937, стр. 886.

¹⁰ «Słownik języka polskiego» II. Warszawa, 1952, стр. 46 и 63.

почему покашливанием выражать именно сомнение, а не что-либо совсем иное? Какой огромный путь потребовалось проделать человеческому сознанию, чтобы установить это соответствие? Совершенно ясно, что такая связь означает уж весьма сложную языковую систему, бесконечно далекую от первобытной, непосредственной связи эмоции и выкрика. Какое же чудовищное упрощенчество — игнорировать весь этот сложнейший путь, наивно представляя рождение значимого слова из «естественных звуков»!

Но главное даже не в этом. Сама фонетическая форма *гм* чрезвычайно далека от непосредственного «покашливания», «прочистки горла». Она опосредствована длительнейшим развитием языка, не только лексикализована, но и фонетически формализована. Языки индоевропейские, в отличие от многих других, не располагают звуками более задней артикуляции, чем наши *г, к, х*; в нашей системе нет ни гортанных, ни задненебного *п*, ни даже тюркских глубокозаднеязычных. Следовательно, приходится признать: либо в индоевропейских языках невозможны слова, передающие покашливание (т. е. объявить их вне языка), либо глухи учебники и исследования, не слышащие многих звуков, либо такие слова налицо и учебники тоже не противоречат языковой действительности, потому что как слова языка и *гм*, и ему подобные состоят из звуков языка, а не из «естественных звуков». Они могут обозначать внеязыковые звуки, как их обозначают и слова *звон* или *шорох*, т. е. как слова *синий* или *желтый* обозначают соответствующие цвета.

При этом историческом развитии индоевропейских языков вместо *hm* могли отлично функционировать с тем же значением *ку, нг, кх, кр* или даже *э* и т. п. Звук и значение не тождественны и в *гм*. Иначе не могли бы существовать слова, фонетически те же самые, но с совершенно иными значениями: англ. *hum* 'слух, молва', 'жужжать, гудеть', 'хитрить, обманывать', франц. *hote* 'жилище, очаг', польск. диал. *hum-hum* 'где-то там, далеко'¹¹ и мн. др.

И *гм*, и другие подобные слова ближе к любому слову, не вызывающему никаких звукоподражательных представлений, чем к внеязыковому «природному» звуку¹². Они опосредствованы языком.

Достаточно задуматься, почему русскому *трах* соответствует немецкое *bums*, почему обыкновенная утка крикает на разных языках: в России *кря-кря*, во Франции *кан-кан*, в Англии *квак-*

¹¹ J. Kałowski. Słownik gwar polskich, II. Kraków, 1901, стр. 196.

¹² Грамматическая неизменяемость ничуть не изолирует их: таковы и союзы, и наречия, и многие имена (в русском — *кофе*, цвет — *беж*). Они легко становятся и словообразовательными основами: глагол *тхмыкать*.

квак, в Дании *rap-rap* и т. д. Совершенно несостоятельно отделяться кивком на звукоподражательность таких слов — она иллюзорна. Их необходимо исследовать как слова языка.

Другое объяснение происхождения русского *гм* — исконность его еще с периода общеиндоевропейского единства.

Поздняя фиксация междометия на письме — не очень убедительное возражение против такого предположения: ведь *гм* принадлежит диалогической речи, особенности которой слабо, неполно и с большим опозданием отражались в письменности.

Но вот исключительная принадлежность этого междометия языку литературному при полном незнакомстве просторечию безоговорочно исключает допущение об унаследованности из праязыка.

Единственно возможное происхождение русского *гм* — позднее заимствование из английского, немецкого или французского, через польский или непосредственно. Заимствование междометий известно: из наиболее поздних примеров — судьба *ура* или *фи*.

Лексикографическая помета «звукоподражат.» при русск. *гм* неверна. Но и для языка, в котором удалось бы установить незаимствованность этого слова, такая помета двусмысленна: она выдает значение за происхождение. В составе современного языка такие слова — плод не биологического рефлекса, а длительного языкового развития. Исследование этимологии междометий тем и важно, что оно разбивает наивное представление о «непосредственном», «естественном» рождении их. Каждое слово языка, каким бы примитивным и «естественным» оно ни казалось, обязано не биологии, а истории.